

ЖИТЬ ПРАВДОЙ И ТОЛЬКО ПРАВДОЙ

Актерская интуиция — вещь сложная. Как бы ни был важен и нужен тщательный рациональный творческий анализ, все равно в процессе рождения образа возникает нечто подсказанное чутьем, каким-то «седьмым чувством»... Поэтому не удивительно, когда иной раз даже сам артист обнаруживает вдруг в своем герое черты характера, которые заранее сознательно вроде бы и не программировались.

...Нынче весной во время одной из конференций, которые часто организует театральное общество, зашел разговор о спектакле драматического театра «Старший сын». Среди наиболее интересных работ была названа и роль Сильвы — парня, идущего по жизни, мягко выражаясь, не совсем верным путем. Играл Сильву Вячеслав Кириличев. Играл увлеченно, с огоньком. Тем более, что было что играть: материал роли обильно насыщенный яркими комедийными красками. Да и как могло быть иначе! Ведь круг интересов Сильвы органицивался модным покроем брюк, транзистором, вечеринкой с вином и танцами...

Словом, отношение актера к Сильве было определенным. Оружие смеха точно направлялось против бытующих еще среди некоторой части молодежи привычек и моральных «сентенций».

Но будь Сильва лишь фиксацией негативных сторон жизни, работа Кириличева при всей своей сценической броскости вряд ли бы привлекла к себе столь пристальное внимание. Кириличев играл своего героя несколько необычно. Да, он подтрунивал над его легкомысли-

ем и недалекостью. И вместе с тем явно хотел вызвать к нему наше сочувствие, подмечая за смешным, нелепым, эксцентричным портретом героя что-то очень грустное, драматичное, вовсе не вызывавшее улыбки.

Говорят, глаза — зеркало души. А у «смешного» Сильвы глаза были грустные и задумчивые. Он «хохмил» и одновременно как бы думал о чем-то совсем другом. Может быть, о том, что никогда настоящего не знал в детстве материнской ласки... Что у него было сколько угодно собутыльников, но друга, настоящего друга он так и не нашел. И этот одинокий, истосковавшийся по добру и вниманию Сильва с понятной и объяснимой злостью обличал своего очередного «друга на час», затеявшего совсем не безобидный розыгрыш старика Сарафанова.

Когда об этом «втором плане» роли сказали Кириличеву, он не поверил. И сейчас, в разговоре со мной, повторял, что не программировал этого серьезного «подтекста». И удивлялся искренне, недоуменно, почему бывает так, что зритель воспринимает роль, образ, эпизод, сцену подчас очень уж по-своему...

А потом речь зашла о других спектаклях, других героях и пьесах... С 1964 года, когда Кириличев, закончив Свердловское театральное училище, вступил на самостоятельный путь, сыграно в общем-то немало. И на свердловской сцене, и в Калуге, где работал перед этим сезон... Рядом с Субботой из «Белоснежки» и Королем из «Захудалого королевства» в этом списке стоят Леонидик из

«Моего бедного Марата» и Марек из «Ночной повести», Всеволод-Маленький в «У времени в плену» и Бухов в спектакле «Валентин и Валентина», Тимофей в «Традиционном сборе» и другие образы.

Шварц и Хойнски, Шатров и Погодин, Розов и Вишневский, Арбузов и Рошин... Конечно же, герои этих драматургов очень разные. И все же постепенно открываешь в ряду работ молодого актера и нечто общее, что роднит многие из созданных им образов, определяет позиции, с каких ищет, ошибается и находит себя в театре Вячеслав Кириличев.

И вот тут-то случай с Сильвой вспоминается весьма кстати. Ибо в этой роли появилось одно примечательное качество молодого артиста — умение не просто фиксировать с предельной степенью достоверности те или иные черты героя или времени. Это, разумеется, тоже надо уметь делать. Но еще важнее уметь «копать в глубь» характера и конфликта, сопоставив затем «внешнее» и «внутреннее», сопоставив во имя раздумий, выводов, утверждений, без которых театр просто не мыслим...

Не случайно те, кто работает с Кириличевым, говорят о цепкой жадности его как актера. Когда он играл Всеволода-Маленького, то с утра до вечера не расставался с томиком Вишневского. И принес в спектакль точное знание характера и личности героя. Всеволод внешне был у Кириличева совсем мальчишкой. Только старше своих лет, умевшим смотреть в лицо смерти и правде. И он приходит в революцию, этот мальчик, порвавший с иллюзиями, ставший взрослым по

обгонявшему время легочисленно той поры...

Также умеют взять себя в руки, не sníкнуть в трудную минуту, повзрослеть, опережая возраст, другие герои Кириличева. Именно этим дороги нам его Марек, вырывающий поединок с бандой подонков, именно эта упрямая «взрослость» дорога нам в розовском Тимофее или внешне ершистом, упрямом Бухове, отстаивающем право любви взять от человека все и право человека отдать все самому высокому из чувств... Как бы ни ошибалась юность, в ней дороги

Кириличеву способность молодого современника ответить за себя и других, его внутренняя потребность жить правдой и только правдой...

При этом вовсе не надо думать, что актер, рассказывая о своих стремительно мужаящих героях, питает пристрастие к однозначным краскам. Опыт и интуиция подсказывают ему контрастные решения. Его герои — земны, обычны, даже неприметны порой в своей обыкновенности. Тем убедительнее сценическое мужание, тем шире адрес их судеб и поступков...

Боюсь, что опять, прочитав эти строки, Вячеслав Кириличев скажет, что никогда не программировал заранее столь сложных целей. Но тем не менее, — и это со всей очевидностью показывают лучшие работы артиста, — судьбы сыгранных им героев оказываются куда сложнее, чем предусмотрено иной раз внешними факторами сюжета.

И еще одно обстоятельство заставляет упорно отстаивать «зрительскую», в чем-то отличную от актерской точку зрения. Недавно Кириличев блестяще сыграл Городулина в комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты». И здесь он, как всегда, пошел своим путем. Его Городулин недалек, но и не глуп, умеет говорить красиво и предугадывать веяния времени. В общем, пройдоха и либерал, «компанейский мужик» и эгоист себе на уме!.. Но именно эта поляность красок оказалась очень уместной по отношению ко всему тому, что обличал в хамелеонах-Городулинах Островский, пытаюсь разобратся в их живучести.

Городулин приоткрыл новую грань в даровании Кириличева. И, будем надеяться, указал театру на то, что в его труппе есть артист, которого можно и нужно использовать и шире, и активнее. А это до сих пор случалось куда реже, чем хотелось бы. У любителей театра тоже есть своя «интуиция». Во всяком случае, хочется верить, что она не подведет на этот раз и впереди у свердловчан будет много новых встреч с артистом, который помогает нам быть более зоркими и ко времени, и к людям...

На снимке: В. КИРИЛИЧЕВ.

Фото Н. Медведевой.

М. БОЛЬШОВ.